

*А. М. Дементьева***КОДЕКС ВЕСТА: ЗАГАДКИ ОДНОЙ МАЛОИЗВЕСТНОЙ
ФИНСКОЙ РУКОПИСИ XVI ВЕКА**

В настоящей статье рассматриваются некоторые орфографические и грамматико-синтаксические особенности отрывка из рукописи XVI в. на финском языке под названием «Кодекс Веста», а также проблема авторства этого текста. По одной из версий исследователей, священнослужитель из г. Раума Матиас Вест (ум. 1549 г.) лишь являлся последним обладателем рукописи. По второй версии, он записывал часть текста. По третьей версии, он являлся ее автором. В настоящее время трудно утверждать что-либо определенное, однако анализ показывает, что писавший владел финским языком на уровне носителя. Языковые особенности рукописи выявляются путем сопоставления с требником (1549 г.), авторство которого приписывают «отцу финского письменного языка» Микаэлю Агриколе. Нами было установлено, что текст Веста орфографически более выверен, например, буквы *ä, e, v* оформлены более последовательно и логично по сравнению с текстом Агриколы. Также употребление падежей и порядок слов в кодексе ближе к устной форме финского языка, нежели текст М. Агриколы, утяжеленный калькированием немецких и латинских грамматико-синтаксических конструкций и орфографических особенностей. В результате рукопись отличается самобытностью и является важным документом в истории финского языка. Кодекс М. Веста мог бы внести существенный вклад в развитие национального языка, но, к сожалению, в силу исторических обстоятельств эта рукопись осталась неизвестной широкой общественности. Долгое время она сохранялась в церкви св. Маргариты в муниципалитете Вехмаа, после чего была передана в Национальный архив Финляндии, где была оцифрована.

Ключевые слова: финский язык, история финского языка, орфография финского языка, кодекс Веста, Матиас Вест, Микаэль Агрикола, Реформация, история Финляндии.

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-2-188-197

Реформация и Финляндия в XVI в. Первые книги на финском языке

Как известно, первой напечатанной книгой на финском языке считается «Азбука» епископа Микаэля Агриколы (ок. 1510–1557), которая вышла предположительно в 1543 году. Агрикола известен в первую очередь как основоположник письменного финского языка, деятель Реформации и переводчик Священного Писания на финский язык. Его перевод Нового Завета, опубликованный в 1548 г., является важнейшей вехой в истории финского языка и Финляндии. Этот текст положил начало дальнейшим библейским переводам и развитию финского как языка культуры и литературы.

Для того, чтобы труд Агриколы смог осуществиться, должны были возникнуть определенные исторические и культурные предпосылки. Процесс Реформации означал решительный переход к богослужению на народных языках. Уже в 1531 г. в соборе г. Турку была проведена первая служба на шведском языке, а в 1537 г. сгорел дотла туркуский доминиканский монастырь. Поскольку католическая служба отправлялась на латинском языке именно по доминиканскому обряду, многие считали этот пожар знаменем свыше.

Для новой церковной традиции требовались тексты на финском языке. Отвечая на запросы времени, в 1549 г. М. Агрикола издал церковный требник. В 1540-х гг. Агрикола был ректором кафедальной школы Турку, а после этого – помощником епископа Мартти Скютте. Предположительно, он работал над своими текстами именно в этот период.

С именем М. Агриколы связано немало тайн. Так, доподлинно неизвестен его родной язык. С одной стороны, известно, что он вырос в, преимущественно, шведоязычном регионе Финляндии и посещал шведскую школу. Принадлежность его семьи к состоятельной прослойке общества также говорит о том, что, скорее всего, родным языком Агриколы был шведский. Однако тексты, содержащие немало диалектных слов и отличающиеся выразительным языком со сложными грамматическими конструкциями и народными пословицами, да и сам факт того, что он писал книги на финском языке, могут указывать на то, что Агрикола освоил финский еще в детстве или юности.

Язык текстов М. Агриколы также полон историко-филологических загадок. С одной стороны, в его текстах немало слов, которые относятся к юго-восточной подгруппе диалектов Хяме, на которых

говорили в исторической области Уусимаа, откуда Агрикола, как считается, был родом. Есть также и фонетические особенности этой подгруппы диалектов, отраженные в текстах Агриколы. Все это указывает на глубокое владение языком. Однако в текстах также присутствует большое количество шведских, немецких, латинских заимствований разного рода, не всегда оправданных, а местами попросту грамматических и фонетических ошибок, редко учитывается долгота звуков, носящая в финском смыслоразличительный характер. Все это может объясняться как переводческой концепцией Средних веков и Нового времени, согласно которой при переводе Священного Писания необходимо буквально придерживаться оригинала, так и ошибками наборщиков в типографии Стокгольма, не владевших финским, где печатались книги Агриколы. Можно также предположить, что текст записывал не сам Агрикола, а его ученики или помощники.

Как бы то ни было, труд М. Агриколы является важнейшей вехой в истории развития финского языка. Он положил начало этапу, который в лингвистике Финляндии именуется раннеписьменным финским языком (фин. *vanha kirjasuomi*). Этот этап начался с появления книг Агриколы и продлился приблизительно до 1820-х годов [Ikola 1968]. Большинство литературы, изданной в это время, было церковно-религиозного содержания. Культурным и административным центром Финляндии в то время был Турку, и старейшей основой письменного языка стали юго-западные финские диалекты.

Рукописи, существовавшие до публикации текстов Агриколы

Известно, что священник был обязан обращаться к своей пастве на народном языке. Задача обеспечить богослужение на финском несколько упрощалась благодаря слабому контролю этого вопроса властью и церковью, и у авторов имелось поле для маневра – они могли быть свободнее в переводе и подбирать несколько текстов [Братчикова 2014]. Поэтому Агрикола был не единственным и не первым, кто начал писать на финском. Со времен Реформации до наших дней сохранились рукописи, которые демонстрируют, что и другие люди переводили религиозные тексты, необходимые в их работе. Установить точные даты их создания трудно, однако можно с уверенностью утверждать, что их писали служители лютеранской церкви, современники Агриколы. По мнению К. Пиринена, сравнивавшего эти переводы со шведскими оригиналами, эти тексты старше работ Агриколы и написаны, самое раннее, в 1530-х годах. [Pirinen 1988].

Всего до нас дошли четыре такие рукописи. Первая и старейшая из них – это десятистраничный текст с отрывками из мессы, написанный для прихода в Кангасала и найденный в архиве прихода. Хотя автор рукописи не оставил о себе сведений, путем сличения почерков было установлено, что этот текст составил приходской священник Лассе Хенриксон [Häkkinen, Turpurainen 2014].

Вторая рукопись – это кодекс В 28, хранящийся в университете г. Уппсала и объемом в 31 лист. По содержанию это также протестантская месса. Автор текста неизвестен, и рукопись сохранилась в неполном виде. Согласно исследованию С. Раямяки, она была написана в промежуток между 1544–1549 гг., и ее автор пользовался «Азбукой» и молитвенником Агриколы [Rajamäki 2015].

Третья рукопись – это маленький отрывок из Евангелия, который также хранится в библиотеке университета Уппсалы. Туда он попал из библиотеки шведского государственного советника Хогеншильда Белке, казненного в 1605 году. Рукопись была обнаружена филологами в 1921 г. К. Хяккинен полагает, что она использовалась в 1530-х гг. во время богослужений на финском языке в Стокгольме. [Häkkinen 2016].

И, наконец, четвертая рукопись – это так называемый кодекс Веста, состоящий из 144 листов. Рукопись использовалась в церкви св. Маргариты, построенной в 1425–1440 гг. и находящейся в муниципалитете Вехмаа. Затем она была передана в Национальный архив Финляндии¹. Свое название кодекс получил по имени капеллана г. Раума Матиаса Веста. Именно этому кодексу посвящена данная статья.

Кодекс Веста: тайна авторства рукописи

Итак, кодекс Веста – это рукопись, подписанная капелланом Матиасом Йоханнисом Вестом. Рукопись содержит перевод на финский мессы и различных молитв, справочник по проведению различных церковных обрядов, а также песнопения на финском, шведском и латыни с нотами.

Принадлежность рукописи Весту и ее датировка определяются прежде всего тем, что на последней странице рукописи стоит две стертые подписи – сначала *Mathiae Joannis westh Codex*, а затем

¹ Ее оцифрованная версия находится в свободном доступе на сайте Национального архива doria.fi.

Mathie Johannis Codex [Turpurainen 2012]. На титульном листе указаны инициалы Веста и год 1546. В конце рукописи указан год 1547.

Известно, что в 1540-х гг. М. Вест был ректором церковной школы Раумы и умер 17 мая 1549 года [Paarma 2007]. Образование Вест получил в кафедральной школе г. Турку, однако его не отправили для дальнейшей учебы за границу, как это произошло с Агриколой. Он не занимал никакой важной должности в соборном капитуле. Год его рождения неизвестен.

В связи с этим возникает вопрос, является ли Вест подлинным автором кодекса. Некоторые исследователи полагают, что работа выглядит слишком трудоемкой для того, чтобы с ней справился один человек [Paarma 2007]. На то, что над текстами работал определенный круг людей, указывает, например, то, что рукопись написана несколькими почерками. По одной из версий, она была составлена учениками кафедральной школы Турку, а работой руководил Томас Кеййо, ректор школы. Кеййо имел подходящее образование для такого проекта – он окончил Виттенбергский университет [Paarma 2007].

Следующий вопрос заключается в том, как рукопись попала в руки Веста. Здесь приходится довольствоваться предположениями, не подкрепленными какими-либо историческими документами. Возможно, Вест был среди тех учеников, которые занимались переводом под руководством ректора. Кроме того, Кеййо умер в 1546 г., то есть в год, которым датирована рукопись Веста. Известно также, что Кеййо родился в Рауме [Paarma 2007]. По мнению исследователей, его работа могла быть отправлена после смерти в родной город, где она оказалась у Веста [Paarma 2007]. Вероятно, Кеййо и Вест были знакомы.

Неизвестно также, знал ли о существовании данной рукописи Агрикола, который принял руководство школой Турку в 1539 году. Возможно, Кеййо и Агрикола были в напряженных отношениях, поэтому последний не знал о рукописи или не хотел опираться в своей работе на ее опыт.

В свою очередь, в защиту авторства Веста можно сообщить следующие сведения. По результатам исследования старинных шведских архивов, проведенного Л. Пихлаямаа, Вест, возможно, был первым финноязычным проповедником в приходе Стокгольма, где богослужения на финском начали проводиться еще в 1533 г. – то есть на несколько лет раньше, чем в важнейшем на тот момент г. Турку в Финляндии [Pihlajamaa 2010]. В самом кодексе нет прямых подтверждений связей Веста с приходом в Стокгольме, но, по сравнению с текстами Агриколы, у Веста заметно больше отсылок к шведским произведениям, служившим образцами [Turpurainen 2012]. Если Вест является настоящим автором кодекса, то он написал его, возможно, находясь в Стокгольме, чтобы использовать его в работе с прихожанами [Pihlajamaa 2010].

Содержание кодекса Веста

Водяные знаки, обнаруженные на бумаге кодекса Веста, говорят о том, что она была произведена во Франции в 1545 году. [Pirinen 1988]. Таким образом, кодекс не может быть старше этого года, однако вполне возможно, что часть текстов была переписана в него из более ранних источников.

В кодексе можно увидеть несколько разных почерков, однако по ним трудно определить авторство, пол или возраст писавших. Часть текстов написана тщательно, часть – в виде черновых набросков. Особенно это касается последней, третьей части, перевода немецкого трактата [Turpurainen 2012]. В ней большое количество исправлений, кое-где оставлены пустые места, которые явно планировали заполнить позднее. На незавершенность работы указывает также то, что в кодексе много пустых страниц. В остальном бумага использовалась очень экономно, и иногда даже трудно определить, где заканчивается одна глава и начинается другая [Turpurainen 2012].

Обратимся непосредственно к содержанию кодекса. Как считает Ю. Паарма, первая часть рукописи Веста – это переводная компиляция третьего и четвертого издания требника Олауса Петри *Een handbock på Swensko* («Требник на шведском»), вышедших в 1537 и 1541 годах [Paarma 2007]. Олаус Петри, шведский церковный деятель времен Реформации, оставил после себя богатое наследие и считается основоположником литературного шведского языка.

Первая часть кодекса Веста начинается с обряда крещения, который включает в себя несколько молитв, чтение отрывка из Евангелия от Марка и символические действия. Как и в настоящее время, священник крестит лоб и грудь ребенка, дважды спрашивает его имя у крестных, а после обряда ребенка одевают в крестильное платье и в его руку вкладывают свечу. Интересно, что в период написания рукописи еще существовала традиция давать ребенку соль, которая считалась символом небесной мудрости и связи с Богом [Tarvainen 1955].

Вторая часть описывает ход мессы, и это собрание переводов различных источников.

Третья часть – это перевод немецкого произведения *Seelenn Ertzney für gesund und krancken*, или «Душевное лекарство для здоровых и болящих» авторства протестантского реформатора Урбана Хенрикуса Региуса. Скорее всего, Вест переводил трактат со шведского перевода [Turpurainen 2012]. Трактат был написан в 1529 г., и других его переводов на финский не имеется. Эта часть кодекса называется *Sieluin vahvistos, lohutos ja lääkitys*, «Укрепление, утешение и исцеление душ».

Кроме того, в кодексе имеются тексты церковных гимнов на финском, шведском и латыни, исполняемых на мессе, а также ноты к ним. Рукопись является самым большим собранием церковных песнопений времен Реформации в Финляндии.

В самом конце кодекса находятся несколько записей светского характера, например, способы лечения горячки на шведском языке и несколько финансовых расчетов – последние написаны весьма неразборчиво. Возможно, это учет долгов и завещание. На одной из последних страниц обнаружена стертая пометка владельца рукописи Матиаса Веста, цитата на финском языке из латинского гимна *Da pacem Domine* и несколько не связанных между собой слов.

Языковые особенности отрывка об обряде крещения в кодексе Веста и требнике Агриколы

Хотя кодекс был известен ученым по меньшей мере сто лет, системных исследований рукописи предпринято не было. В основном изучались отдельные языковые нюансы текста и особенности богослужения раннего этапа Реформации в Финляндии. Мало внимания уделено и богатейшей коллекции церковных песнопений, содержащихся в кодексе.

Настоящий анализ также не претендует на полноту, однако он, как видится, позволяет сделать некоторые интересные выводы, призванные подготовить почву для дальнейших исследований, а также взглянуть под новым углом на работы Микаэля Агриколы.

Для того, чтобы выделить орфографические особенности кодекса, нами было проведено сопоставление отрывка из рукописи Веста об обряде крещения с аналогичным по теме отрывком из требника Агриколы. Последний был напечатан в 1549 г., и, хотя в книге нет упоминания об авторе, переводчике или редакторе, эти труды, как считается, вышли из-под пера Агриколы².

Дополнительный интерес исследованию придает тот факт, что, как считается, Агрикола в своем труде не испытывал влияния кодекса Веста; предполагается верным и обратное утверждение [Kiuru 1994 (2)]. Таким образом, сходства в этих двух работах не могут объясняться тем, что тот или иной автор перенимал опыт второго современника. Скорее эти сходства могут свидетельствовать о сложившейся к моменту работы Веста и Агриколы письменной традиции в финском языке, памятники которой не дошли до наших дней.

Проведенный анализ демонстрирует как примечательные сходства, так и различия текстов на всех уровнях языка. Далее мы рассмотрим запись некоторых звуков и их сочетаний, отличающуюся от современной, а также употребление падежей, порядок слов и другие грамматические особенности. Анализ лексики текстов в данном исследовании не предусматривается.

Анализ гласных

Среди гласных обращает на себя внимание написание кратких и долгих *u*, *ä*, *ö*. Больше всего вариативности наблюдается при написании *u*. Так, у Агриколы звук оформляется в первую очередь как *w*, например, *Wlos (ulos)*, *swren (suuren)*, *wskoon (uskoon)*. Как видно из примеров, с помощью *w* Агрикола записывал и краткий, и долгий гласный. Иногда в одном слове встречаются как *u*, так и *w*: *swhun (suuhun)*. Возможно, это попытка передать долготу гласных с помощью разных букв. В свою очередь, у Веста отсутствует *w* для обозначения *u*: *vlghos / vlgos (ulos)*, *suren (suuren)*, *vxi (uksi, уст. фин. «дверь»)*, *suhun (suuhun)*. Как видно, в абсолютном начале слова Вест предпочитал использовать *v*, в то время как в середине и конце слова он писал последовательно *u*.

Звук [æ], обозначаемый в современном финском с помощью *ä*, также оформлялся у Агриколы и Веста по-разному. Агрикола часто записывал этот гласный с помощью *e*, не делая различия между [æ] и [e]: *ise (isä)*, *temen (tämän)*, *henen (hänen)*, *eleme (elämä)*. Подобное написание вызывает у современного читателя некоторое удивление: непонятно, почему человек, хорошо знающий финский язык,

² Текст данного требника доступен по адресу: https://kaino.kotus.fi/korpus/vks/meta/agricola/agri3alku_rdf.xml

не проводит границы между этими двумя звуками³. На наш взгляд, это косвенно подтверждает теорию о том, что некоторые части текстов записывал не сам Агрикола, а, возможно, один из его учеников, плохо владеющий финским, – вероятно, под диктовку. Все же следует отметить, что иногда в его тексте встречается *ä*: *kädhense* (*kätensä*). Помимо этих букв, рассматриваемый гласный обозначался иногда с помощью сочетания *ieu* или *eu*: *wloskeudhe* (*uloskäydä*), *kieudhe* (*käydä*).

Иная картина у Веста. Он достаточно последовательно разграничивает звуки *ä* и *e*, из-за чего текст выглядит несколько современнее: *jsä, tämän, hänen, elämä, kätensä*. С другой стороны, иногда и у него можно встретить *e* вместо *ä*: *meidhen* (*meidän*), иногда *henen* вместо *hänen*, а также *ae*: *kaesikirja* (*käsikirja*), *kaetkekön* (*kätkeköön*) и *a*: *äla* (*älä*). Интересно, что в глаголе *käydä* у Веста иногда присутствует гласный *i* перед *ä*, как и у Агриколы выше: *kiäydhä*.

Кроме того, звук *ö* обозначен у Агриколы и Веста по-разному. Данный звук вообще реже других гласных встречается в финском языке. Считается, что он был заимствован из германских языков на достаточно позднем этапе развития языка – в период III–IV вв. н. э. [Lehtinen 2007]. Буква *ö* Агриколе и Весту была уже знакома – у Агриколы мы встречаем *mös* «тоже», а у Веста – *möss* (ср. совр. фин. *myös*), но зачастую звук обозначался с помощью буквы *e*. Последовательность у авторов отсутствует. В свою очередь, послелог *tykö* «к» записывается по-разному: у Агриколы это *tyges*, а у Веста *tyghos*. При этом представляется важным, что слово *ylesnousemus* «воскрешение» (в современном написании *ylösousemus*) они писали последовательно одинаково. Это заставляет предположить об уже имевшейся на тот момент письменной традиции в языке.

Интерес вызывает также написание удвоенных гласных. В этом отношении Агрикола несколько отставал от своего современника, однако в целом удвоенными гласными при написании они оба пренебрегали. В качестве примера приведем сопоставительную таблицу одних и тех же словоформ, взятых из одного и того же контекста:

Таблица 1.

Обозначение долготы гласных у Агриколы и Веста

Агрикола	Вест	совр. финский
<i>manan</i>	<i>manan</i>	<i>manaan</i> 1 л., ед. ч. индик. през. от <i>manata</i> «заклинать»
<i>sastainen</i>	<i>saastainen</i>	<i>saastainen</i> «грязный»
<i>totuden</i>	<i>tottudhen</i>	<i>totuuden</i> генитив ед. ч. от <i>totuus</i> «истина»
<i>aican</i>	<i>aijkan</i>	<i>aikaan</i> иллатив ед. ч. от <i>aika</i> «время»
<i>swhun</i>	<i>suhun</i>	<i>suuhun</i> иллатив ед. ч. от <i>sui</i> «рот»
<i>lonut</i>	<i>loonut</i>	<i>luonut</i> прич. перф. от <i>luoda</i> «создать»
<i>olcon</i>	<i>olkon</i>	<i>olkoon</i> 3 л., ед. ч. имп. от <i>olla</i> «быть»

Как видно из примеров, особенно «пострадали» гласные во втором и последующем слогах (возможно, вследствие своей безударности). Тем не менее, в отдельных местах встречаются фонетически точно оформленные падежные окончания, например, у Агриколы *wskoon* (иллатив ед. ч. от *usko* «вера») и у Веста то же слово в более архаичном виде *wscohon* – здесь присутствует согласный *h*, позднее выпавший из окончания. Поскольку слово «вера» является одним из ключевых в религиозном лексиконе, можно снова сделать предположение, что его фонетически грамотно оформленное написание связано с уже сложившейся к времени создания текстов письменной традицией.

Написание согласных

Один из первых согласных, обращающих на себя внимание при чтении текстов, – это *v*, явно доставлявший обоим авторам проблемы при работе. И у Агриколы, и у Веста можно встретить сразу несколько вариантов его написания. Для наглядности приведем таблицу:

³ Также в преподавании финского языка на начальном этапе можно наблюдать, как изучающие путают эти два звука. Для носителей финского языка и изучающих его на уровне выше А1, в свою очередь, не делать различия между *ä* и *e* немыслимо.

Написание буквы *v* у Агриколы и Веста

Агрикола	Вест	совр. финский
<i>wisaudhes</i>	<i>visaudhes</i>	<i>viisaudessa</i> инессив ед. ч. от «мудрость»
<i>eleuet</i>	<i>eläuit</i>	<i>elävät</i> през. индик. 3 л. мн. ч. от «жить»
<i>weden</i>	<i>wedhen</i>	<i>veden</i> генитив ед. ч. от «вода»
<i>teruelisen</i>	<i>teruelisexi</i>	<i>terveellisen/terveelliseksi</i> генитив/транслатив ед. ч. от «здоровый»
<i>hyuestisiugnasi</i>	<i>hyuestisiunaisi</i>	<i>hyvästisiunasi</i> имп. индик. 3 л. ед. ч. от «благословить»
<i>waldakunta</i>	<i>waldakunta</i> <i>valdakunta</i>	<i>valtakunta</i> «царство»
<i>wastan</i>	<i>vastan</i>	<i>vastaan</i> «навстречу»

Как видно, согласный обозначался с помощью *w*, *u*, *v*. У Веста несколько чаще, чем у Агриколы, встречался привычный современному читателю *v*. Однако в одной строчке у него мог быть и *v*, и *w*: *sinun on valdakunda, ja woima* «Твое есть царство и сила». Нестабилен в этом отношении и текст Агриколы. По всей вероятности, сложности написания *v* вызваны влиянием шведского и особенно немецкого языков, старая орфография которых в данном отношении далека от полной последовательности. Тем похвальнее выглядят попытки Веста использовать более подходящую букву *v* систематически.

Еще одним проблематичным для написания звуком оказался согласный *k*. По всей видимости, здесь оба автора снова ориентировались на латынь, немецкий и шведский языки. С одной стороны, во многих случаях можно встретить привычную современному читателю букву *k*. С другой стороны, сочетание *ks* последовательно записано как *x* и у Агриколы (например, *mīxi – miksi*), и у Веста (*vxi – uksi*). Буква *q* встречается у обоих авторов только в слове *quin (kuin)*, в других позициях перед *u* используется *k*. Единство в написании *kuin* может снова указывать на сложившуюся к моменту создания текстов традицию.

Также для записи рассматриваемого звука авторы использовали букву *c* и сочетание *sk*. В одном и том же слове может использоваться целый набор разных вариантов: *ruckoilcam (rukoilkaamme)* у Веста, *ijancaikisen (iänkaikkisen)* у Агриколы. Выявить закономерности выбора сложно: в одних и тех же позициях встречаются разные буквы⁴.

Отдельного внимания заслуживает написание трех согласных, ныне исчезнувших из финского языка. Тексты Агриколы позволяют установить, что в XVI в. в юго-западных финских диалектах существовало три согласных, исчезнувших из современного языка: это звонкий зубной фрикативный согласный [ð], глухой зубной фрикативный согласный [θ] и звонкий велярный спирант [ɣ]. Звонкий зубной фрикативный согласный [ð] являлся слабой ступенью в чередовании *t:[ð]*. Агрикола обозначал его на письме с помощью *d* и *dh*. Глухой зубной фрикативный согласный [θ] отражен Агриколой с помощью *z* в таких словах, как *itze*. Звонкий велярный спирант [ɣ] был слабой ступенью в чередовании с *k*. Агрикола обозначал этот согласный как *g* или *gh*: *lugussa, aighat*⁵.

Текст Веста также принадлежит к юго-западным диалектам, но в нем прослеживается и влияние диалекта Раумы, что делает его несколько отличным от диалекта Хяме, на котором писал Агрикола [Raama 2007]. Впрочем, в вопросе рассматриваемых трех согласных текст Веста сходится с текстом своего современника. Например, звонкий зубной фрикативный согласный [ð] у Веста обозначен как *dh*: *sockeudhet*. Глухой зубной фрикативный согласный [θ] передан, как и у Агриколы, с помощью *z*: *cutzunut, catzo*, равно как и звонкий велярный спирант [ɣ] – с помощью *g*: *jalgoin, tegijt*. Кроме того, для диалекта Веста, судя по всему, было свойственно чередование *rke / rje*, например, *särie (särje)* – у Агриколы *särghie*.

Подобное единство в написании этих специфических согласных снова позволяет предположить о развитой письменной традиции, существовавшей до Веста и Агриколы.

⁴ Более подробно о написании *k* в различных позициях у Агриколы см. [Братчикова 2014].

⁵ Следует отметить, что и в этом чередовании Агрикола был не до конца последователен. В тексте можно встретить чередование *k* с нулевым согласным, например, *teit* «ты сделал» (форма 2 л. ед. ч. индикатива имперфекта).

Другие фонетические особенности

Интересно, что в некоторых случаях в тексте отображены особенности устной речи, которые не принято отображать в финской письменности, а именно – ассимиляция по месту образования согласного *n* в звук *m* в позиции перед согласным *p*. Данная ассимиляция происходит до сих пор в быстрой речи носителей финского языка. У Агриколы и Веста случай такой ассимиляции есть в одном и том же месте – в молитве священника во время крещения ребенка: в обоих случаях употреблена форма *sempäle* (совр. фин. *sen päälle* «на это»). Видимо, данное словосочетание было в какой-то степени адвербиализовано либо широко употреблялось именно в контексте данной молитвы.

У Агриколы других случаев такого написания в анализируемом тексте нет. Вместе с тем отмечается, что в его переводе Нового Завета написание *sempäle* и того же рода *semperäst* (совр. фин. *sen perästä* «из-за этого») было редкостью, в основном использовались формы *senpolest(a)*, *senpäle*, *senperest(a)* и т.д. [Kiuru 1994 (1)].

У Веста наблюдается иная картина. В рассматриваемом отрывке можно встретить один случай данной ассимиляции: *Herram päle* (*Herran päälle*). Далее в тексте кодекса можно увидеть еще три случая такой ассимиляции. Это *sinum paluelias* (*sinun palvelijasi*), *sinum pyhät* (*sinun pyhät*), *sielum pälle* (*sielun päälle*). Как видно из приведенных примеров, случаи ассимиляции, отраженные на письме, затрагивают не только сочетание одного и того же местоимения и послелогов, а разные словосочетания. На наш взгляд, это указывает на владение языком на уровне носителя. При этом в абсолютном большинстве случаев Вест не отображает рассматриваемую ассимиляцию на письме: *Herran päle*, *on puhunut*, *meidhän piti*.

Грамматические и синтаксические особенности текстов

В данном разделе мы затронем лишь несколько грамматических и синтаксических особенностей исследуемого материала. В этом отношении текст Веста видится также несколько более корректным. Сравним пример части одного и того же предложения в текстах Агриколы и Веста.

Агрикола:

...ette henelde caicki pahat himot poiscaitoisit.

«...чтобы у него все порочные страсти прочь пропали».

Вест:

...että hänestä cattosi pahatt ijlodt menott.

«...чтобы у него пропали нечестивые радости, привычки».

В данном примере вместе с глаголом *kadota* «исчезнуть, пропасть, сгинуть» Агрикола использует аблатив (*henelde*), а Вест – элатив (*hänestä*). Вариант Веста выглядит более оправданным, поскольку аблатив с данным глаголом используется, если потеряно нечто материальное, а элатив – если речь идет о чувстве, эмоциональном состоянии.

В примере Агриколы можно также заметить употребление наречия *pois* слитно вместе с глаголом *kadota*, что несвойственно финскому языку. Такое употребление наречий для него характерно и встречается во всех его текстах. Его принято считать проявлением шведского и немецкого влияния. В свою очередь, в этом отношении кодекс Веста значительно свободнее, и излишние наречия отсутствуют.

Порядок слов у Веста также отвечает нормам финского языка в большей степени. Например, текст Агриколы начинается словами *Ensin Pappi kysyken* «сначала пусть священник спросит...», где форма повелительного наклонения 3-го лица от глагола *kysyä* «спрашивать» находится после подлежащего, в то время как по нормам финского языка она должна находиться перед ним, как у Веста: *Ensin kysyken Pappi*.

Еще одним небольшим, но заслуживающим внимания примером является специфическое употребление множественного числа у Веста. Как было сказано выше, в средневековом обряде крещения было принято давать младенцу соль. Это отражено в исследуемых текстах. У Агриколы это *andakon sinulle Wijsaudhen Soolan* «...пусть он даст тебе соль мудрости». Здесь слово *soola* (совр. фин. *suola*) закономерно стоит в аккумулятиве / генитиве единственного числа. В свою очередь, у Веста видим *andakon sinulle wisadhen suolat*. В данном случае слово *suola* находится в номинативе множественного числа, буквально «соли». Такое употребление множественного числа характерно для финского языка, особенно для устной речи, где совершенно нормальными являются формы *oluet*, *mansikat* – множественное число от неисчисляемых существительных *olut* «пиво», *mansikka* «клубника» и прочие. Это еще одна маленькая деталь, указывающая на глубокое владение финским языком автора кодекса Веста.

Молитва «Отче наш» в текстах Агриколы и Веста

Как известно, еще в XV в. в Швеции было решено, что католические молитвы «Отче наш», Символ веры и «Аве Мария» должны произноситься во время мессы на народном языке, и священник был обязан читать их с листа, чтобы они всегда звучали одинаково. Однако даже в настоящее время в финской церковной традиции существуют три варианта «Отче наш»; нетрудно предположить, что во времена Реформации могло встречаться еще больше вариаций. Сопоставление этих вариаций в старинных финских рукописях проводилось финским лингвистом Х. Ууситало [Uusitalo 2016]. Наша статья дополнит его наблюдения.

Несмотря на существование немного различающихся текстов, молитва «Отче наш» сходится в текстах Агриколы и Веста слово в слово, различаясь лишь некоторыми грамматическими формами (например, у Веста слово *taivas* употреблено в единственном числе, а у Агриколы во множественном, что является калькой латинской версии молитвы). Тем интереснее различия в их написании. Как и в предыдущих отрывках, текст Веста точнее отображает фонетику финского языка. Достаточно сравнить две следующие формы: *tenepene* у Агриколы и *tänäpäivänä* у Веста – в современном финском *tänä päivänä* «сегодня, в этот день». При виде форм вроде *tenepene* в тексте, приписываемом Агриколе, читатель может задаться вопросом, владел ли пишущий вообще финским языком? Возможно, он выучился читать, но едва понимал прочитанное? В свете нынешних исторических данных на эти вопросы трудно ответить с уверенностью.

Справедливости ради следует отметить, что в некоторых местах молитвы Агриколы аккуратно отмечена, например, долгота гласных, в том числе и в неударных слогах, как в иллативной форме слова *kiusaus* «искушение»: *ele iocdhata meite Kiusauxeen* «и не введи нас во искушение». У Веста данная форма записана как *kiusauxen*.

В молитве Агриколы имеется также и явная ошибка: в форме *meidhen syndinne* «наши грехи» использован притяжательный суффикс 2-го лица множественного числа вместо суффикса 1-го лица -*tte* (ср. у Веста *meiden syndime*). Однако эта ошибка, ввиду сходства букв *n* и *m*, могла быть сделана и в типографии, а не по вине писавшего.

Заключение

Несомненно, анализ небольшого отрывка, предпринятый в данной статье, не может предоставить исчерпывающих выводов обо всей работе. Однако некоторые обнаруженные особенности позволяют наметить направление для дальнейших исследований.

Сопоставление кодекса Веста и требника Агриколы показало, что зачастую орфография Веста ближе к современному написанию. Во многих отношениях она является последовательней и легче воспринимается читателем. Существенным достижением Веста является, например, попытка унифицированного написания *ä, v, u*. Что еще более важно, употребление падежей, порядок слов и другие грамматико-синтаксические особенности кодекса Веста тоже во многом отображают более «чистый» и грамотный финский язык, свободный от засилья немецко-шведского влияния. Возможно, Агриколе было труднее противостоять иностранному влиянию в силу своего немецкого образования; как было сказано ранее, Вест не учился в Германии, в отличие от Агриколы. Может быть, поэтому текст капеллана из Раумы был самобытнее.

Увы, труд Веста остался лишь малоизвестной рукописью. Если бы он получил такие же возможности напечатать свои труды, как и Агрикола, развитие финского языка однозначно бы ускорилося.

Анализ текста также позволяет строить предположения о старинной письменной традиции в финском языке, возникшей до работ М. Веста и М. Агриколы. Это также требует дальнейшего исследования, в том числе сопоставления с другими финскими рукописными памятниками, дошедшими до наших дней.

ЛИТЕРАТУРА

- Братчикова Н. С. Становление финского литературного языка в эпоху Реформации // *Acta linguistica petropolitana*. 2014. Т. 10. № 1. С. 463–480.
- Häkkinen K., Tuppurainen E. Kangasalan missalen suomenkielinen messu // *Sananjalka*. 2014. № 56. S. 7–28.
- Häkkinen K. Uppsalan evankeliumikirjan katkelma, vanhin suomenkielinen käsikirjoitus // *Suomen kirkkohistoriallisen seuran vuosikirja*. 2016. Vol. 106. S. 138–165.
- Ikola O. Suomen kielen historia. Suomen kielen käsikirja. Helsinki: Weilin&Göös, 1968, S. 35–59.

- Kiuru S.* Jatkoa Agricolan tutkijoiden huomioihin // *Virittäjä*. 1994. № 1. S. 75–79.
- Kiuru S.* Agricolan ajan konditionaalimuotojen i:ttömät diftongit // *Virittäjä*. 1994. № 4. S. 588–595.
- Lehtinen T.* Kielen vuosituhanet. Suomen kielen kehitys kantaauralista varhaisuuteen. Jyväskylä: Gummerus Kirjapaino Oy, 2007. 305 s.
- Paarma J.* Mathias Johannis Westh // Suomen kansallisbiografia. Helsinki: SKS, 2007. S. 463–464.
- Pihlajamaa L.* Tukholman suomalaisen seurakunnan papisto 1533–1999. Stockholm: Terttu Pihlajamaa Förlag, 2000. 383 s.
- Pihlajamaa L.* Tukholman suomalaisen seurakunnan ensimmäinen saarnaaja: Mathias Westh? // Suomen kirkkohistoriallisen seuran vuosikirja. 2010. Vol. 100. S. 71–92.
- Pirinen K.* Suomenkielisen liturgisen kirjallisuuden synty. Mikael Agricolan kieli. Helsinki: SKS, 1988. 268 s.
- Rajamäki S.* Uppsalan käsikirjan messun piirteitä ja suhde muihin reformaatioajan messuteksteihin. Turun yliopisto, 2015. 80 s. URL: <https://www.utupub.fi/handle/10024/105144> (дата обращения: 17.08.2022)
- Tarvainen O.* Mikael Agricola, kirkon uudistumies. Jumalan viljelysmaa, 1955. S. 33–41.
- Tuppurainen E.* Codex Westh. Westhin koodeksin kirkkolaulut. Kuopio: Offsetpaino L. Tuovinen, 2012. 121 s.
- Uusitalo H.* Reformaatioajan suomenkielisten Isä meidän-rukousten suhteet toisiinsa ja lähdeteksteihin kielellisten erojen valossa // *Sananjalka*. 2016. № 58. S. 159–174.

Поступила в редакцию 19.08.2022

Дементьева Александра Максимовна,

кандидат филологических наук,
заведующая кафедрой скандинавских, нидерландского и финского языков
ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет»
119034, Россия, г. Москва, Остоженка 38, стр. 1
aleksandra.dementieva@gmail.com

A. M. Dementieva

**CODEX WESTH: THE MYSTERIES OF ONE FORGOTTEN FINNISH MANUSCRIPT
OF 16TH CENTURY**

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-2-188-197

This article describes some orthographical, grammatical and syntax features of a 16th-century manuscript called Codex Westh. I have studied a fragment, which describes the baptism ceremony. I have also explored the problem of authorship of this text. According to some researchers, Mathias Westh (d. 1549), a chaplain from Rauma town, was the last keeper of this manuscript only. According to another version, he was a scribe among others. The third theory says that he was the only author of the Codex. Nowadays it is hard to confirm or deny any of these theories, but the research result shows, that the manuscript author was fluent in Finnish at the native speaker level. I have studied language features of the manuscript by comparing them to Finnish missal published in 1549. Although there is no sign of missal translator's or author's name in the book, it is considered to be written by Mikael Agricola, "the father of literary Finnish". The research result shows, that Westh's text is more orthographically correct. For example, the use of letters *ä*, *e*, *v* is more logical. Also the use of cases and word order reflect the spoken Finnish better, than Agricola's text, which has plenty of German and Latin orthography, grammar and syntax calques and direct loans. As a result, Codex Westh is an original work and an important document in the history of the Finnish language. It could have made a valuable contribution to development of the Finnish. Unfortunately, due to historical circumstances, the manuscript remained unknown to society. It was kept in St. Margaret church in Vehmaa for a long time. After that, it was transferred to National Archive of Finland, where it has been digitalized and published on the Archive website.

Keywords: the Finnish language, the history of the Finnish language, the orthography of the Finnish language, Codex Westh, Mathias Westh, Mikael Agricola, the Reformation, the history of Finland.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2023, vol. 17, issue 2, pp. 188–197. In Russian.

REFERENCES

- Bratchikova N. S.** Stanovlenije finskogo literaturnogo yazika v epokhu Reformatsii [The formation of the Finnish literary language during the epoch of Reformation]. *Acta linguistica petropolitana*. 2014, vol. 10, no 1, pp. 464–480. In Russian.
- Häkkinen K., Tuppurainen E.** Kangasalan missalen suomenkielinen messu. *Sananjalka*, 2014, no. 56, pp. 7–28.
- Häkkinen K.** Uppsalan evankeliumikirjan katkelma, vanhin suomenkielinen käsikirjoitus. *Suomen kirkkohistoriallisen seuran vuosikirja*, vol. 106, 2016, pp. 138–165.
- Ikola O.** Suomen kielen historia. *Suomen kielen käsikirja*, 1968, pp. 35–59.
- Kiuru S.** Jatkoa Agricolan tutkijoiden huomioihin. *Virittäjä*, 1994, no. 1. pp. 75–79.
- Kiuru S.** Agricolan ajan konditionaalimuotojen i:ttömät diftongit. *Virittäjä*, 1994, no. 4. pp. 588–595.
- Lehtinen T.** *Kielen vuosituhannet. Suomen kielen kehitys kantaauralista varhaisuomeen*. Jyväskylä: Gummerus Kirjapaino Oy, 2007. 305 p.
- Paarma J.** Mathias Johannis Westh. *Suomen kansallisbiografia*, 2007, pp. 463–464.
- Pihlajamaa L.** *Tukholman suomalaisen seurakunnan papisto 1533–1999*. Stockholm: Terttu Pihlajamaa Förlag, 2000. 383 p.
- Pihlajamaa L.** Tukholman suomalaisen seurakunnan ensimmäinen saarnaaja: Mathias Westh? *Suomen kirkkohistoriallisen seuran vuosikirja*, vol. 100, 2010, pp. 71–92.
- Pirinen K.** Suomenkielisen liturgisen kirjallisuuden synty. *Mikael Agricolan kieli*. Helsinki: SKS, 1988. 268 p.
- Rajamäki S.** *Uppsalan käsikirjan messun piirteitä ja suhde muihin reformaatioajan messuteksteihin*. Turun yliopisto, 2015. 80 p. URL: <https://www.utupub.fi/handle/10024/105144> (Accessed 17.8.2022)
- Tarvainen O.** Mikael Agricola, kirkon uudistumies. *Jumalan viljelysmaa*, 1955. pp. 33–41.
- Tuppurainen E.** *Codex Westh. Westhin koodeksin kirkkolaulut*. Kuopio: Offsetpaino L. Tuovinen, 2012. 121 p.
- Uusitalo H.** Reformaatioajan suomenkielisten Isä meidän-rukousten suhteet toisiinsa ja lähdeteksteihin kielellisten erojen valossa. *Sananjalka*, 2016, no 58, pp. 159–174.

Received 19.08.2022

Dementieva Alexandra Maksimovna,
 Candidate of Science (Philology), Associate Professor
 Department of Scandinavian, Dutch and Finnish Languages at the translation faculty
 of the Moscow State Linguistic University
 38, bld. 1, Ostozhenka st., Moscow, 119034, Russia
 aleksandra.dementieva@gmail.com